

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЛАНДШАФТОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНТЕКСТЕ ФЕНОМЕНА ПОГРАНИЧНОСТИ

А.В. Лысенко _

*ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет»,
г. Ставрополь*

Рецензент О.С. Корнеева

Ключевые слова и фразы: геокультурное пространство; граничный тип культуурогеогеографии; граничный культурный ландшафт; лимитроф; приграничное сообщество; фронтир.

Аннотация: Отмечается важность пограничного контекста в изучении культурных ландшафтов Северного Кавказа. На основе анализа историософских, геополитических, этнопсихологических, исторических, культурологических и географических концепций феномена пограничности выстраивается методология и понятийно-терминологическая система культурно-ландшафтного исследования региона, выделяются генеральные макроструктурные элементы геокультурного пространства Северо-Кавказского приграничья.

Проблема границ и приграничных территорий России – одна из непростых и исключительно важных. Она неразрывно связана с проблемами государственного строительства, внешней и региональной политики, внешнеэкономических связей, национальной безопасности страны. Важность границ как основы стабильного функционирования Российского государства отмечалась многими исследователями [4, 7]. Как правило, приграничные регионы в России более сформированы, чем глубинные, они формируют жесткий каркас, обеспечивая связь основных центров страны с внешним миром, а также выполняют барьерные функции. В этих условиях стабильность приграничных регионов приобретает особое значение.

Появление новых границ после распада СССР в условиях системного кризиса в государстве, их значительная протяженность, спорность значительных участков и историческая незрелость привели к резкому обострению социально-экономической и политической ситуации в приграничных регионах, а также появлению угроз государственной безопасности и социальной стабильности в масштабах всей страны. Особенно конфликтно эти процессы протекают в пределах Северного Кавказа – исключительно мозаичного в этнокультурном плане приграничного региона, имеющего для России особое геополитическое, экономическое и социокультурное значение. Не случайно проблемам этого региона посвящено значительное количество публикаций. Однако осмысление проблем Северо-Кавказского региона в контексте феномена приграничья еще далеко не завершено, и требует проведения специальных исследований.

Понятие границы и приграничья давно и плодотворно исследуется различными науками гуманитарного и естественного профиля: биологией, историей, психологией, культурологией, этнологией, географией и др. Специфичность и важность изучения

феномена границы и пограничья определили формирование особых дисциплин, в том числе лимнологии, погранологии, Border (Boundary) Studies и др. [20]. Многокомпонентность пограничья как явления определяет разнообразие подходов к его пониманию и изучению, при этом общим для всех учений признаются обусловленность пограничья современными государственными границами, выполнение ими особых функций, а также общность экономических, социальных и др. проблем.

Современные географические исследования приграничья отличаются особо широким спектром концепций как традиционных страноведческих, социально-экономических и геополитических [1, 12, 16, 17], так и феноменологических и постмодернистских, формирующихся в рамках новых и возрожденных направлений отечественной географии, в том числе гуманитарной и культурной географии [6, 18]. Активно развивается исследование трансграничных регионов в рамках этнокультурной географии [4]. При этом предлагается различать трансграничные регионы от приграничных [1, 2], выделяются различные их типы [2, 13].

Комплексное, многоаспектное исследование пограничья весьма конструктивно в рамках междисциплинарной геопространственной парадигмы в предметном поле культурно-географических исследований, предполагающем изучение пограничья как феномена культуры – хронотопа, с особой пространственно-временной разверткой и актуализацией. Изучение приграничных регионов в рамках культурного ландшафтоведения как одного из разделов культурной географии предполагает выстраивание определенной методологии и понятийно-терминологической системы, адекватно описывающей проблемное поле исследований. При этом ключевым становится понятие геокультурного пространства, сформулированное В.Н. Стрелецким как «...концептуальная категория, характеризующая всеобщие и познаваемые формы существования геокультурных явлений, процессов и объектов, систему панорамных отношений между ними». При этом геокультурное пространство рассматривается в двух разных аспектах: исследование культуры в географическом пространстве, с одной стороны, и исследование географического пространства в культуре, – с другой [22, с. 330].

Северо-Кавказское приграничье рассматривается нами как разновидность геокультурного пространства со специфичным, граничным типом культурогенеза, определившим формирование взаимопроникающих геополей: этнокультурного, природно-хозяйственного, конфессионального, лингвистического, политического, психологического и др. В результате этого взаимодействия оформляются и функционируют рубежные (граничные) культурные ландшафты, целостность и устойчивость которых задается тесной взаимосвязью геополей друг с другом и окружающей средой в ходе процессов материально-практического и духовно-интеллектуального освоения территории.

В соответствии с представлением о культурном ландшафте как продукте освоения и обустройства местным сообществом «своего» пространства [11], субстратной основой граничных культурных ландшафтов становятся приграничные сообщества [14] – маргинальные по отношению к центральной культуре локальные общности, формирующие особые субкультуры. Именно в процессе воспроизводства материальных и духовных, в том числе ментальных, образцов культуры локальными сообществами в результате их взаимодействия с природным и социокультурным окружением, происходит объективация и репрезентация культурно-ландшафтных структур, которые в условиях границы отличаются многослойностью и динамичностью.

Таковыми сообществами в Северо-Кавказском регионе стали, в первую очередь, казачество и русско-украинское крестьянство, сформировавшие культуры, для которых пограничье – не только определяющий фактор формирования, но и постоянная семиотическая зона, вне рамок которой они не могут существовать. Специфика формируемого ими граничного культурного ландшафта хорошо описывается схемой В.Л.

Каганского [10] «Центр – провинция – периферия – граница», моделью русской колонизации С.В. Лурье [15], а также теорией фронта. Сама граница – ее природа, местные сообщества, а также своеобразие культурных моделей освоения колонизационными элементами приграничных территорий структурировали культурные ландшафты. По В.Л. Каганскому культурный ландшафт границы – это смесь ландшафтов «... меж которыми существуют отношения от равнодушия до конфликта и взаимного паразитизма, преобладают экотонные, аazonальные, маргинальные и пр. элементы и формы» [10, с.92].

По происхождению культурные ландшафты Северного Кавказа – это не просто ландшафты границ и приграничья, это ландшафты фронта. Существовавшие в XVII – начале XIX века структурные элементы Северо-Кавказского фронта, его мифология актуализируются вновь и вновь, подтверждая особое значение фронтирных феноменов в функционировании геокультурного пространства региона.

Появление теории фронта связано с феноменом освоения «Дикого Запада» в США, данная теория была предложена американским историком Дж. Ф. Тернером в 1893 г. Классическое определение американского фронта – граница между цивилизацией и дикостью (wilderness) [27]. В настоящее время это понятие активно вводится в дискурс отечественными учеными как социокультурная модель российской колонизации [9]. При этом зоны фронта были определены как территории, социальные и экономические условия которых определяются идущим процессом освоения. Для зон фронтов были выявлены общие черты и отличия. К общим следует отнести: высокий уровень самосознания, политической и экономической самостоятельности; высокую восприимчивость к инновациям; рост преступности; распространение суррогатных и ортодоксальных религиозных течений, сект, а также экстенсивные формы ведения хозяйства. Отличия в сравнении с северо- и латиноамериканскими вариантами связаны, прежде всего, с особенностями мифологизации и историческими образами фронтов, роли государства в этом процессе, различиями в этногенетических процессах. Другая важная особенность: американский фронт, поглощающий по сути, а русский, – чаще огораживающий поле колонизационного действия [8].

Специфика российского фронта, его структура и динамика тесно связаны с особенностями восприятия пространства, которое, по мнению С.В. Лурье, связано с этническими константами, включающими в себя представления, описывающие мир в качестве арены действия. Их структура специфична для каждого этноса. В соответствии с ними арена действия русского крестьянства – «дикое поле», пространство не ограниченное ни внутренне, ни внешне. «Дикое поле» организовывалось в самодостаточный и автономный «мир», который становился частью России – «мира», сопоставимого не с Россией – государством, но с любым местом, где поселятся русские, таким образом, эти территории включались в русские сакральные границы. При этом «...русские осваивали «дикое поле», вбирая его в себя, не стремясь ни ограничить его, ни устранить встречающиеся на нем препятствия» [15, с. 69].

Народная колонизация имела характер бегства от государства: «бегство народа от государственной власти составляло все содержание народной истории России» [21, с. 1]. На начальных стадиях этого процесса, одновременно с завершением формирования Московского государства, его выходцы из разных слоев и сословий, недовольные новым государственным строем, основали на границах «дикого поля», в том числе в низовьях Дона и Терека, особые военно-политические объединения – свободные казацкие общины.

В отличие от беглого крестьянства, которое, так или иначе, оказывалось в зависимости от государства, (шедшего либо вслед за ним, либо возвращавшее крестьян назад по этапу), казачество долгое время сохраняло гражданские и политические свободы, и даже в статусе военного сословия имело значительные привилегии, оставаясь военным буфером на беспокойных государственных границах. Охрана границы для казаков была не просто повинностью, скорее, она действительно находилась в области их интересов, во

избежание набегов и любых угроз жителей соседних поселений, имеющих над собой иные формы власти и взаимоотношений. Для взаимодействия с ними требовался иной, особый статус и связанный с ним образ жизни, которые постепенно формировали группу, отделяющую себя от остального населения своего государства.

Появление фронтиров в России определялось этапами казачьей и крестьянской колонизации. В соответствии с ними Н.Ю. Замятиной [8] выделяются зоны фронтиров: современный Центральный район (Залесская Русь) осваивался русскими в XI–XIV веках, так называемый Русский Север – в XV–XVII веках, современный Черноземный Центр – в XVI – XVII веках, Дон и Северный Кавказ – в XVII – начале XIX века, Урал и Сибирь – в XVII – XVIII веках, Дальний Восток – во второй половине XIX – начале XX веков.

Северо-Кавказский фронт в отличие от сибирского и многих других формировался в условиях исключительно мозаичного, контрастного в природном и этнокультурном отношении, внутренне конфликтного пространства, сложившегося исторически и географически как совокупность локальных культур и миров разных уровней и цивилизационных ориентаций. Имея важное стратегическое значение, регион всегда находился в поле различных интересов региональных и мировых держав, что создавало помимо внутренней, перманентную внешнюю конфликтность, как следствие – военное противостояние, постоянные миграции и перекройка политических границ в регионе.

Структурно-динамический анализ вышеперечисленных особенностей формирования культурных ландшафтов Северо-Кавказского приграничья предполагает включение в исследовательский арсенал более широких подходов как содержательно, так и территориально. К таковым, в первую очередь, следует отнести цивилизационный подход, имеющий давнюю историческую традицию в рамках цивилизационной историософии О. Шпенглера, А. Тойноби, Н. Данилевского и др. Это направление Р.Ф. Туровский определяет как часть культурософской топологии, ставшей началом культурно-географического познания мира посредством его районирования на различных уровнях – от глобального до локального [23].

В современной отечественной науке цивилизационные концепции, как правило, привлекаются для культурно-географического анализа геополитической ситуации в мире после распада СССР, а также для определения места России в системе современных мировых цивилизаций [25, 26]. При этом в спектре многочисленных определений понятия «цивилизация» можно выделить в качестве инварианта понимание цивилизации как способа бытия некоей автономной антропогенной системы (совокупности общностей определенного типа), выделяющейся своей высокой внутренней организованностью и способностью к самовоспроизводству. Целостность цивилизаций обеспечивается общей системой ценностей, согласованной экономической и политической деятельностью. Внешний вектор функционирования цивилизаций проявляется в формировании единых геополитических интересов и общих геоэкономических и военно-политических инструментов их реализации.

В контексте теории цивилизаций функционирование и реструктурирование геокультурного пространства Северного Кавказа можно представить как результат исторически сложного и противоречивого взаимодействия цивилизаций на общем поле Кавказского региона. В терминологии С. Хантингтона речь идет о столкновении цивилизаций, однако при этом, прежде всего, важно определится, в чем суть этого столкновения, какие социокультурные системы вовлечены в этот процесс, и как данная ситуация отражается в культурно-ландшафтной структуре региона.

В связи с последними событиями в Грузии и более глубоким историческим региональным контекстом вполне очевидно отсутствие на Кавказе конфликта цивилизаций, как зоны разлома «мусульмане – немусульмане» в интерпретации С. Хантингтона [24, с. 428]. Анализ исторических материалов войны России против Ирана и Турции на Кавказе в XIX веке подтверждает отсутствие явных религиозных мотиваций в

предпочтениях к сторонам конфликта у местного населения. Исторические документы изобилуют сведениями об активном участии народных ополчений (армянского, азербайджанского, грузинского, горского) в боевых действиях на стороне России. По мнению В.В. Дегоева [5] этому способствовали институт наемничества у горских народов, который поддерживался моральными и материальными мотивациями, а также укоренившееся в сознании народов представление о неизбежности участия внешней силы во внутренних делах региона как фактора, который при определенной политике в отношении нее мог способствовать социальной и экономической стабильности в условиях бесконечных внутренних междоусобиц. При этом местными народами применялись различные стратегии: активная (в случае с Арменией), пассивная (Грузия), изоляционистская (горские народы). На протяжении последних столетий ситуация повторяется вновь и вновь, что подтверждает гипотезу о цивилизационной маргинальности Кавказа, а следовательно правильнее говорить не о столкновении цивилизаций в регионе, а о существовании здесь межцивилизационного, буферного пространства, которое исторически, в виду своего географического положения и этнокультурной мозаичности, стало ареной цивилизационных противостояний.

Буферные пространства имеют особое значение в геополитике. Они в случае комплиментарности к приграничной цивилизации выполняют роль «подушки безопасности», в противоположном случае препятствуют объединению с другими комплиментарными мирами (так называемые «санитарные кордоны»), ограничивают ее экономические и политические контакты. Такие территории, как правило, являются очагами «псевдоцивилизационных» конфликтов, поскольку их народы, как правило, стремятся извлечь выгоду из своего «междумирного» культурно-географического положения.

В настоящее время все чаще подобные буферные пространства называют «лимитрофами», перенося на них древнее обозначение пограничных районов Римской империи, с особым режимом, иногда – двойным подчинением. В настоящее время концепция лимитрофа активно разрабатывается в отечественных геополитических построениях. Из них наиболее разработанной является цивилизационная концепция В.Л. Цимбурского [25], в рамках которой автор выделяет в Евразии «ядровые платформы» цивилизаций и промежуточные пространства, в том числе «Великий Лимитроф» – обширную культурно-географическую зону, образованную переходящими друг в друга перифериями всех цивилизаций Старого Света: романо-германской (Западная Европа), арабо-иранской (Ближний и Средний Восток), российской, китайской, индийской. Он находит свое естественное продолжение в тюрко-монгольских землях по стыку платформ Китая и России, свое ответвление в Тибете и свое завершение на Корейском полуострове.

Данное межцивилизационное Евразийское пространство автор метафорично называет «проливом» между «платформами» цивилизаций и выделяет в его пределах три географических типа территорий: тип «расселины», в пределах очевидного, четко отграниченного центрально-азиатского лимитрофа; размытый, диверсифицированный восточно-европейский лимитроф; а также мозаичный, неоднородный кавказский. Крупномозаичное строение Кавказской культурно-географической зоны позволяет отталкиваться странам лимитрофа от цивилизационных гегемоний Юга и Севера, что проявляется в настоящее время в попытках формирования межцивилизационных империй (Грузия, Азербайджан) путем конструирования «оси» против России и апеллирования к третьей силе.

Вышеизложенные представления о Кавказском регионе как об особом крупномозаичном буферном пространстве-лимитрофе являются ключом к пониманию особенностей формирования генеральных макроструктурных элементов геокультурного пространства Северо-Кавказского приграничья. Маргинальность Кавказа по отношению к крупным цивилизационным центрам, обреченным здесь на противостояние, задает его важнейшее инвариантное свойство – пограничность, которое становится способом

существования всего комплекса его элементов и структур. Только в контексте этого феномена становится возможным глубокое проникновение в сущность происходящих в регионе процессов.

Поэтому первоочередной задачей в изучении геокультурного пространства Северного Кавказа мы считаем определение форм, статуса и особенностей функционирования существующих в регионе граничных структур. Они не всегда имеют вид четко очерченных линейных рубежей, но, чаще всего, представляют собой некие по-разному организованные пространства – граничные культурные ландшафты, приобретающие в условиях необычайного разнообразия этнокультур определенных формы организации (этноконтактные зоны, экотоны, и др.), пороги устойчивости, типы реакций на внешние воздействия и т.п.

Остается открытым вопрос о главном цивилизационном рубеже на Кавказе. На наш взгляд, цивилизационно освоенная Россией часть Кавказа, сохраняющая фронтальные элементы ограничивается Северным Кавказом. Однако проведение четкой границы с междоцивилизационным пространством, совпадающей с государственной, в настоящее время вряд ли возможно. Ткань лимитрофа на отдельных участках проникает к Северо-Кавказским предгорным равнинам, приобретая «рваный» характер, и только сбалансированный и понятный для народов региона российский цивилизационный проект со временем может способствовать окончательному вхождению региона в структуры Российского культурного мира.

Список литературы

1. Бакланов, П.Я. Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований / П.Я. Бакланов, С.С. Ганзей // Изв. РАН. Сер. географ. – 2004. – №4. – С. 27–34.
2. Герасименко, Т.И. Трансграничность как фактор этнокультурного и экономического развития / Т.И. Герасименко, Ю.Н. Гладкий // Изв. Русс. геогр. о-ва. – 2005. – Т. 137. – Вып. 6. – С. 1–9.
3. Герасименко, Т.И. Трансграничные этнокультурные регионы: методологические подходы к изучению / Т.И. Герасименко // Изв. Русс. геогр. о-ва. – 2005. – Т.137. – Вып. 1. – С. 73–82.
4. Герасименко, Т.И. Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов / Т.И. Герасименко. – СПб. : Изд-во РГО, 2005. – 235 с.
5. Дегоев, В.В. Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) / В.В. Дегоев // Кавказский сборник. – Т. 2(34). – М. : Русская панорама, 2005. – С. 90–108.
6. Замятин, Д. Метагеография: пространство образов и образы пространства / Д. Замятин. – М. : Аграф, 2004. – 508 с.
7. Замятин, Д.Н. Гуманитарная география : материалы к словарю гуманитарной географии / Д.Н. Замятин // Гуманитарная география : научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред. Д.Н. Замятин. – М. : Ин-т наследия, 2005. – С. 334–336.
8. Замятина, Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н.Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 1998. – №5. – С. 75–88.
9. Замятина, Н.Ю. Фронт / Н.Ю. Замятина // Гуманитарная география : научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4 / Отв. ред. Д.Н. Замятин. – М. : Ин-т наследия, 2007. – С. 353–355.
10. Каганский, В.Л. Центр – провинция – периферия – граница. Основные зоны культурного ландшафта / В.Л. Каганский // Культурный ландшафт: вопросы теории и

- методологии исследований : семинар «Культурный ландшафт» : 2-ой темат. вып. докл. – М. – Смоленск : Изд-во СГУ, 1998. – С. 72–101.
11. Калуцков, В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения : учебн. пособие / В.Н. Калуцков. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 94 с.
 12. Социально-экономические проблемы нового российского пограничья / В.А. Колосов [и др.] // Изв. РАН. Сер. географ. – 1997. – №3. – С. 63–72.
 13. Колосов, В.А. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество / В.А. Колосов, Р.Ф. Туровский // Изв. РАН. Сер. географ. – 1997. – №5. – С. 106–113.
 14. Куклина, В. Приграничное сообщество / В. Куклина // Гуманитарная география : научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 4 / Отв. ред. Д.Н. Замятин. – М. : Ин-т наследия, 2007. – С. 336–339.
 15. Лурье, С.В. Восприятие народом осваиваемой территории / С.В. Лурье // Общественные науки и современность. – 1998. – №5. – С. 61–74.
 16. Машбиц, Я.Г. Комплексное страноведение / Я.Г. Машбиц. – М. : Просвещение, 1999. – 268 с.
 17. Попкова, Л.И. Приграничное пространство как особый тип территории (на примере российско-украинского пограничья) / Л.И. Попкова // Изв. Русс. геогр. о-ва. – 2005. – Т. 137. – Вып. 1 – С. 83–89.
 18. Рагулина, М.В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез / М.В. Рагулина. – Иркутск : Изд-во Ин-та геогр. СО РАН, 2004. – 171 с.
 19. Резун, Д.Я. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д.Я. Резун, М.В. Шиловской. – Новосибирск : Сова, 2005 – 123 с.
 20. Рябов, С.А. Здесь государевым «Украинам было бережение». Российское пограничье – особый объект культурного и природного наследия / С.А. Рябов. – М. : Ин-т наследия, 2007. – 335 с.
 21. Сокольский, Л. Рост среднего сословия в России как следствие остановки в росте государственной территории / Л. Сокольский. – Одесса : Губернск. тип., 1907. – 30 с.
 22. Стрелецкий, В.Н. Геопространство в культурной географии / В.Н. Стрелецкий // Гуманитарная география : научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / Отв. ред. Д.Н. Замятин. – М. : Ин-т наследия, 2005. – С. 330–332.
 23. Туровский, Р.Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития / Р.Ф. Туровский // Культурная география. – М. : Ин-т наследия, 2001. – С. 1–94.
 24. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
 25. Цымбурский, В.Л. Россия – земля за великим лимитрофом: цивилизация и ее геополитика / В.Л. Цымбурский. – М. : Эдиториал УРССЮ, 2000. – 144 с.
 26. Яковенко, И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы / И.Г. Яковенко. – М. : Новый хронограф, 2008. – 320 с.
 27. Turner, F.O. The Frontier in American history / F.O. Turner. – New York : Henry Holt and Co, 1920. – 293 p.

Conceptual Grounds of Study of North Caucasus Cultural Landscapes in the Context of Boundary Phenomenon

A.V. Lysenko

Stavropol State University, Stavropol

Key words and phrases: geo-cultural space; boundary type of cultural genesis; boundary cultural landscape; limitrophe; boundary community; frontier.

Abstract: The significance of boundary context in the study of North Caucasus cultural landscapes is noted down. The methodology and conceptual system of cultural landscape research in the region are arranged on the basis of the analysis of geopolitical, ethno-psychological, historical, culturological and geographical conceptions of the boundary phenomenon; general macro-structural elements of geo-cultural space of North Caucasus frontier are outlined.

© А.В. Лысенко, 2009